

Вехи идентичности: диаспора и первый научный казахский съезд, 1924 г.

Статья посвящена одному из «белых пятен» истории казахской автономии и парламентаризма XX в. Под эгидой наркомата просвещения и Казобкома, в 1924 г. в Оренбурге лидеры «Алаш» провели исторический Первый научный съезд. Научность форума подтверждается обнаруженными автором редкими источниками. Повестка дня съезда, стенограммы выступлений и дискуссий, постановления дают основания ввести данный факт в историю государства с новых методологических позиций. В работе съезда принимали участие А.Букейханов, М.Дулатов, А.Байтурсынов, Н.Тюрякулов, Х.Досмухамедов. Были рассмотрены и приняты перспективные решения: по алфавиту, этнографии, терминологии, учебникам. Но самое главное – обсуждался вопрос о судьбах зарубежных казахов. В русле предстоящей демаркации и делимитации государственных границ Казахстана и республик Средней Азии, обсуждение темы диаспоры в Монголии, Китае и России имело принципиальное значение. Отсутствие компетенций в статусе автономии расценивалось как ущемление права нации на самоопределение. Работа съезда имела большое значение для выработки программы деятельности «Алаш» на ближайший период, вплоть до обретения статуса союзного государства.

Провозглашение статуса государственного образования, Казахской АССР в 1920 г. зафиксировало историческое событие, о чем достаточно подробно можно узнать в трудах известных юристов нашей страны: Зиманова С.З., Сартаева С.С. и др. [1]

Вместе с тем, обнаруженные архивные документы и материалы раскрывают малоизученные страницы автономии. Речь идет об организации республиканских научных форумов, двумя десятилетиями ранее официального создания филиала союзной Академии наук в Казахстане. Идея созыва и проведения Съезда принадлежала лидерам «Алаш», патриотам нации, и потому информация об этом историческом событии оказалась «закрытой». Ныне, в Независимом Казахстане, все еще не дана системная оценка форума и его исторического значения в контексте национальной самоидентификации. Материалами для исследования послужила стенограмма, отложившаяся в виде рукописных текстов, среди черновых редакторских материалов. [2]

Источники составлены несколькими авторами; велось краткие конспекты выступлений и прений. По-видимому, эти материалы готовились к публикации в республиканских газетах. Языки записей – русский и казахский, грамотность безымянных авторов /к сожалению, записи не подписаны или неразборчивы инициалы/ позволяет отнести их к числу заинтересованных участников Съезда, из числа руководящих работников

Казкряя. Методом прямого и компаративного анализа источников, мы сопоставили их содержание и стиль с единовременными документами отложившимися в архивах Наркомпроса, Казобкома и т.д., на основе диалектического метода, объективности и историзма. Обработка большого количества документов, хранящих тепло рук Ахмета Байтурсынова, Смагула Садвокасова, Нугмана Залиев, НазираТюрякулова, Халела Досмухамедова, Аспандияра Кенжина, Мухтара Саматова, Мухтара Мурзина, Елдеса Омарова, Молдагула Жолдыбаева, Миржакыпа Дулатова, позволила выявить доказательства активного участия национальной интеллигенции в выработке методологии и стратегии краевых научных изысканий. До сих пор в отечественной и зарубежной библиографии нам не встретился подробный разбор мотивов созыва Съезда научных работников-педагогов и хода заседания.

Тем более это актуально, поскольку он оказался последним такого рода и масштаба. На Съезд были приглашены делегаты от казахской диаспоры – из сопредельных Казахской с автономией, областей. Однако, в силу указаний обкома, представительство оказалось меньше, чем предполагали организаторы. Тем не менее, то был один из немногих съездов, на котором поднималась тема внешних сношений с зарубежными казахами. Актуальность вопроса «подогревалась» готовившимся процессом национально-территориального размежевания с республиками Средней Азии.

Официально он охватил 1925-1927 гг., однако осведомленные участники Съезда своевременно уточняли правовой статус автономии и ее полномочия. /В обозначенные годы, руководство Казкряя и позднее КазССР побывало неоднократно на приеме у И. Сталина, обсуждая вопросы размежевания и национального самоопределения/. Осмысление материалов и записей стенографистов, мы видели задачу публикации в следующем. Во-первых, ознакомить общественность с самим фактом проведения Съезда и его научной подоплеки. Во-вторых, кратко пересказать ход съезда, повестку, инициаторов, участников (представительство), гостей, позиции основных докладчиков, прения. Размеры публикации ограничены, тогда как хотелось акцентировать внимание биографов на факте приезда из Москвы А.Букейханова. /В ряде монографий и статей историки утверждают, что он в те годы категорически был «невъездным», под негласным арестом в Москве, тогда как на съезде 1924 г. он присутствовал лично и даже выступал./ Далее, следует обратить внимание на факт участия в Съезде казахов из Узбекистана и других смежных регионов.

Они открыто поднимали вопросы обеспечения школьников учебниками на родном языке. Этот факт также свидетельствует об обеспокоенности судьбами диаспоры, в свете предстоявшего размежевания. Более того, участники Съезда проявили реальную заботу о судьбах казахов Монголии и

Китай. Поводом послужила необходимость обеспечения их учебниками на казахском языке. Однако, более сведущий в вопросах юрисдикции автономии, на данную реплику ответил М.Дулатов, который официально представлял Общество по изучению Казахстана. Миржакып призвал делегатов не рассматривать вопросы внешнеполитического блока, поскольку они не подлежат компетенции Казахской автономии. /Сам факт участия Миржакыпа Дулатова в Съезде говорит о многом. В тот период бывшие алашевцы еще свободно могли дискутировать, печататься.

Показательно, что Дулатов в своем выступлении проявил себя как компетентный руководитель. Предупредив эмоциональных делегатов об ограниченности компетенций Съезда и наркомов, тем самым он упредил возможные упреки и нарицания со стороны Кремля. Думается, историки нового поколения смогут, опираясь на найденные нами материалы из Архива Президента РК, редкие рукописные материалы-стенограммы Съезда 1924 г., пополнить историографию истории Казахстана в других ракурсах. В русскоязычной историографии данный форум практически не упоминается. Важно устранить это “белое пятно” и дать ему заслуженную оценку, как предтече Академии наук Казахстана. Ведь, даже не удостоившись упоминаний в историографии, съезд имел реальное влияние на самосознание организаторов и участников. Собственно, мотивацией к организации и проведению Съезда было желание лидеров “Алаш” закрепить в обществе признаки государственно-национальной идентичности (язык, культура, территория, диаспора).

Мы не могли пройти мимо очевидного факта: косвенно, источники фиксируют заинтересованность реформаторов алфавита в проведении съезда (Н.Тюрякулов). На Съезде имело место, как развитие его дискуссии с А.Байтурсиновым, отстаивавшим арабскую графику, презентация реформы алфавита и открытое голосование за оба варианта. С разницей в несколько голосов, “победил” вариант Назира как более удобный. В любом случае, вызывает уважение демократизм съезда, когда принципиальные вопросы ставились на голосование. Немаловажно подчеркнуть наукоемкость съезда: на нем обсуждались вопросы научной терминологии на казахском языке, учебной литературы и т.д. Основным докладчиком был Халел Досмухамедов, известный системными исследованиями и в естественных, и гуманитарных науках. Присутствовали руководители Наркомпроса, Общества по изучению края, авторы учебников и методик. Не случайно, делегатами было принято решение - поручить опубликовать материалы съезда в виде сборников, для удобства использования в дальнейшей работе. К сожалению, о том, была ли произведена публикация, данных не сохранилось. Съезд не был стихийным мероприятием. О подготовительной работе и итогах съезда А.Байтурсинов неоднократно докладывал на Коллегиях Наркомпроса.

Как опытный руководитель, он добился официального соглашения и тем самым Съезд имел легитимный статус. Можно смело утверждать, что даже если повестка дня форума распространялась в основном на вопросы языка и народного образования, его значение много шире. Обсуждались вопросы взаимоотношений с зарубежными казахами; в основу идентификации бралась языковая принадлежность на фоне этнокультурной общности. Данный форум был столь представительным, рассмотрел актуальные вопросы, освещался в СМИ (сохранились стенограммы на русском яз), география делегатов разнообразна, - что он единственный в своем роде. Более собраться не было дано историей, возможности и шанса. Порядок работы съезда заслуживает отдельного внимания: предусмотрен был весьма плотный график.

Судя по оглашенному в первый день регламенту, насыщенными были все пять дней. С перерывом на обед, секции работали с утра до позднего вечера. Неформальный характер отличал данный форум изначально, делегаты верили в претворение его решений в жизнь. В некотором смысле, съезд 1924 г. есть предтеча другой модели представительства диаспоры, а именно: Всемирной Ассоциации казахов (ВАК). Международная негосударственная организация республиканского значения, впервые зарегистрированная Министерством юстиции Республики Казахстан 3 ноября 1992 г. по инициативе Первого Президента Казахстана, имеет целью поддержание связи с зарубежными соотечественниками по вопросам культурно-духовного развития, образования и бизнеса.

Среди не до конца выясненных, остается вопрос, кто решил провести данный съезд: Назир с Алиханом, или – Ахмет? Либо то было совместное согласованное решение алашевцев с национал-коммунистами? На наш взгляд, идея съезда принадлежала бывшим алашевцам, но формально исходила от Научно-литературного совета (далее - НЛС) Академического центра при Наркомате просвещения Казахстана. Официальным мотивом съезда была необходимость подвести итоги работы НЛС. Об этом нарком просвещения Залиев доложил на совещании в обкоме: «30 апреля 1924 г. Выписка из Протокола заседания Коллегии АПО № 40 [3] Присутствуют: ЗавАПО – т. Леонинок, Дунаев, Валиев, от ГлавЛИТО – т. Никитин, Наркомпроса – т. Залиев, Панин, Киселев, от Облженотдела – т. Успенская, от Губкома – т. Коротков, от Казбюро ВЦСПС – т. Паниев, от КВК – т. Озерников, и Представитель ПП ГПУ. СЛУШАЛИ: ПОСТАНОВИЛИ : 2. О созыве Съезда Научных работников Наркомпроса. Докл.т. Залиев.

Одним из главных факторов поднятия культурного уровня среди казнаселения: это издание казлитературы. Для подобной цели был организован Совет научных казахских работников. Последний успел составить целый ряд учебников, рассмотреть рукописи, выработать термины. Подготовительная работа Научного совета уже окончена и Наркомпрос

решил созвать для окончательного разрешения Съезд научных работников. Этот вопрос в положительном смысле уже разрешен соответствующим «парторганом». Тов. Залиев зачитывает составленный проект плана проведения Съезда, количество представителей и повестку съезда. 2. Созвать Съезд на 5 июня. Предложенную повестку дня утвердить. Утвердить созданную организационную комиссию из 3-х лиц. Сократить максимально количество представителей».

Несмотря на то, что данный форум имел официальный статус, большинство его делегатов стали жертвами политических репрессий, поэтому информации о нем ничтожно мало. Причиной замалчивания факта, скорее всего, было расхождение между: официально заявленными повесткой дня и представительством делегатов, и – реальным ходом и резонансом Съезда. На апрель 1924 г. наркомат просвещения был местом, где сконцентрированы были грамотные специалисты, патриоты. Краевой Наркомпрос до начала репрессий имел возможность влиять на идеологию, и этот шанс был замечательным образом использован.

Рукописи учебников на казахском языке были изданы. Были налажены связи с казахской диаспорой в сопредельных республиках, Казпредставительством в Москве, где с участием А. Букейханова издавались журнал «Темір қазық», переводы и альманахи на казахском языке. Содержание журнала «Темір қазық» не утверждалось в Казахстане, в связи с чем подотдел печати Наркомпроса, для окончательного сведения отчетности, запрашивал приобретение экземпляров московского издания. Нами обнаружен документ: «В Управление делами Казобкома. № 2535 от 2 июля 1923 г. Просьба выписать журнал «Темир-Казык» в 3-х экземплярах из Центрального Восточного Издательства (Москва, Трубниковский пер., 19). Цена 1 экземпляра на месяц – 50 копеек золотом. Зав. подотделом печати АПО /подпись/ Долотов» [4].

Приглашены были на съезд представители партийных и советских ведомств, наркоматов. Разумеется, часть их представляли бывшие алашевцы (Аспандияр Кенжин). 12-17 июня 1924 г. в Оренбурге проходил съезд казахских работников просвещения. Насыщенные пять дней (!) делегаты дискутировали важнейшие вопросы национальной самоидентификации. Состав участников достоин отдельного рассмотрения. На пленарном заседании, которое открыл Залиев, Жолдыбаев зачитал список приглашенных. Среди них значились: от Московского Восточного Центрального издательства – Н.Тюрякулов, А.Букейханов; от Бухарских казахов – Мирза Наурзбаев; от Туркестана – Ишангали Арабаев, Халел Досмухамедов; от Казобкома – Аспандияр Кенжин; от Казсекции ВЦСПС – Мухтар Саматов; от Казинститута – Мухтар Мурзин; от КЦИК Комитета – Елдес Омаров, Нуртаза Ираш (?); от Наркомпроса – Ахмет Байтурсынов,

Нугман Залиев, Молдагул Жолдыбаев; от Общества изучения Казахстана – Дулатов. [5]

Доклад Х.Досмухамедова вызвал бурное обсуждение: речь шла об актуализации работы по сбору этноисторических материалов и их последующего издания. «При Акцентре должен быть хороший работник, который легко может справиться с теми устными литературами, привозить в Акцентр и передавать в Киргосиздат, который будет печатать и распределять». Ахмед Байтурсынов говорил о том, что «сбор литературы должен производиться не денежными силами, а силами человечества, соблазнять на деньги нельзя. Надо много раз просмотреть Комиссиям Туркестана или Казахстана, кому-нибудь из этой комиссии этот съезд работников просвещения должен поручить вынести /выработать. – Г.М./ форму о сборе литературы» [5,132].

В выступлении Н. Тюрякулова прозвучали предложения подключить к полевым исследованиям школьников и аульных учителей: «О сборе литературы у нас нет никаких форм. Посылать людей в деревню – это неправильно, лучше мугалимы, живущие в дер вне, пусть стараются собирать через учащихся, поехавших из города».

Председательствующий на съезде Алихан Букейханов отреагировал на это предложение с иронией: «Когда собирают знания о быте казахов, нужно взять примеры от Европы, не всякие лошади бывают беговыми и иноходцами» [5,132]. Букейханов затем уточнил свою мысль: «То есть, «встречному» поручать – сделает тот человек, который более-менее заинтересован в своей работе. Такой человек, собрав необходимое знание, может использовать и передавать другим». Он настоял на выполнении серьезной работы знающими и понимающими ее цели людьми. Такой подход председателя съезда настроил делегатов на деловой лад.

Далее А.Букейханов «сделал обобщающие выводы и внес следующие предложения: 1) О сборе источников, какие материалы надо собирать и где, чем при сборе руководствоваться, также было предложено издать собранные материалы; 2) Поручить сбор источников реальным лицам (в стенограмме записано в переводе с казахского «тем, кто покажется в глаза»), «нужно выбирать сборщиков, как Акцентр». /То есть, съезд одобрил, с подачи Букейханова, методику Акцентра, или А.Байтурсынова, как проверенную и эффективную. - Г.М./; 3) Собранные материалы привести в порядок и представить хорошим работникам; 4) Наркомпрос их всех предназначенных сумм для просвещения должен выделить определенную сумму денег именно для этого вида работы. Съезд принял эти предложения без изменений» [5, 133]. Иными словами, по предложению А. Букейханова съезд принял среди прочих решение о целевом перераспределении бюджетных средств Наркомата просвещения КАССР, что было немаловажно для поощрения,

выражаясь современной лексикой, полевых исследований «сборщиков» и последующего издания книг. Был заслушан доклад М. Мурзина «Об увеличении объема учебников и научных изданий». Мурзин отметил, что «до сего времени в Казахстане не принималось достаточно мер об увеличении книг по литературе, если выпускались, то единичные книги.

В скором времени необходимо пополнить, увеличить и поставить на определенный путь» [5,134]. Казангапов доложил о деятельности Казгосиздата [5,135]. Мир-Жакып Дулатов сделал доклад «О просвещении народностей, оставшихся вне Казреспублики и Туркестана», заострив внимание съезда на вопросе о дополнительном выпуске книг и учебников на казахском языке. Внимательно выслушав докладчика, Байтурсынов внес предложение «просить обком и Наркомпрос: 1) послать казахских учителей-советников к казахам Бухары и Хивы»; 2) «из школ, открывшихся в Казреспублике, и их ученикам открыть стипендии». То есть, тем самым обеспечить возможность казахам вне Казахстана учить родной язык, а школьникам-казахам Бухары и Хивы назначить стипендии, привлечь интерес диаспоры к самопознанию и создать позитивный имидж начинанию. По этому вопросу, в поддержку М. Дулатова и А. Байтурсынова выступили Нарубаев и Досмухамедов. Внимание к казахской диаспоре за рубежом на съезде было проявлено исключительное.

Идентификация по языковому признаку, научный подход к диаспоре подчеркивает научный характер съезда и его стратегический масштаб. Выступившие в прениях делегаты Арабов и Турганбаев обратили внимание на то, что без внимания остаются казахи в сопредельных регионах России. Они вопрошали: «В Астраханской, Алтайской, Омской и Томской областях казахи находятся в скверном, «темном» положении. Почему Казнаркомпрос не посылает своих делегатов просветить их?» В развитие темы, даже было предложено организовать методическую работу на территории Монголии и Китая [5,137].

Только вмешательство М.Дулатова умерило пыл ораторов, поскольку Дулатов разъяснил отсутствие у съезда полномочий на работу с дальним зарубежьем (Монголия, Китай) [5, 138]. На съезде обсуждались вопросы о Правилах письма. Доклад об орфографии сделал Ельдес Омаров (в источнике «Ильдес». - Г.М.), содокладчиком выступил Мухтар Мурзин. Сообщение о переходе на латиницу было наиболее эмоциональным и сопровождалось голосованием: за вариант Назира Тюрякулова – 9, за позицию Ахмета Байтурсынова – 8 голосов. Окончательным был принят проект Тюрякулова [5, 118-130]. Принято было также Постановление съезда «О программе начальной школы». [5, 113-117] В целом, постановления съезда Х.Досмухамедов предложил отдать в печать, чтобы издать в виде отдельной книги. «Если каждый делегат будет иметь такую карманную книжку, это сослужит большую роль», отметил он.

Делегат Арабаев пафосно заметил, что это - первый казахский съезд республиканского уровня, на котором говорится о науке. [5, 139] Были ли изданы брошюры с выступлениями, высланы ли они были по регионам, остается не ясным. Какова была реакция общества на решения Съезда, информации слишком мало, чтобы ее анализировать. В доступных материалах допросов арестованных в 1937 г. алашевцев и коммунистов не встречаются упоминания о Съезде. Следователи могли не придать большого значения этому событию, в контексте тех чудовищных обвинений, которые были им выдвинуты.

С высоты современной науки, вклад организаторов Съезда научных работников 1924 г. в сохранение и упрочение национальной идентичности, неизмерим. Профилактика деформации идентичности заключается в этом методе: актуализировать национальные ценности, связи с диаспорой, самосознание нации, озвучить прогнозные оценки. О том, как сами алашевцы оценивали итоги съезда, отзывов в их трудах, переписке еще не опубликовано. Между тем, важнее даже независимая оценка. Ею может служить факт, что в истории других народов Центральной Азии, одновременно достигших автономии, такие форумы не проводились.

О возможных примерах организации научных съездов у других народов Евразии, казахские националы могли вполне получить консультации у русских, татарских, башкирских и азербайджанских коллег. Университетские традиции тюркских народов, на тот момент еще не сложившиеся в Казахстане, являлись хорошим ориентиром для алашевцев. Коммуникации того времени: печатные СМИ, радио были доступны для алашевцев через служивших в советских и партийных ведомствах. Не случайно, Алихан Букейханов числился служащим в одном из наркоматов... Таким образом, в интеллектуальной истории ЦА первой трети XX в. первый научный съезд казахских просветителей 1924 г. занимает особое место. В те годы Наркомпрос под руководством А. Байтурсынова регулярно проводил съезды учителей, но данный форум был чрезвычайный и решал судьбоносные вопросы.

Он может номинально считаться предвестником будущей Академии наук Казахстана. /По некоторым данным, в работе съезда участвовал Мухтар Ауэзов. Его другом был Смагул Садвокасов, через год назначенный наркомом просвещения автономии. В свою очередь, Смагул курировал тогда студента, Каныша Сатпаева и помог ему позже, в Москве встретиться с Г.М. Кржижановским и получить финансирование для «Большого Джекказгана». /Об этом - отдельная статья/. Съезд был созван вопреки классовым, политическим, иным предпочтениям, в контексте двухпартийного кворума, ради выработки единого мнения по стратегии развития нации.

Байтурсынов уступил большинству в вопросе внедрения латиницы, ради сохранения единства. Коммунисты и б. алашевцы нашли компромисс. Единство и борьба противоположностей показательны в политическом аспекте. Общей платформой съезда были: этничность (казахи), светскость, такт, здравый смысл, уникальная география и представительство регионов, заинтересованность в решении судеб соотечественников, диаспоры.

Все ступени образования, в особенности начальная школа, должны работать слаженно, нация тянулась к свету. В данном контексте, вопрос о смене алфавита отошел даже на второй план; главное, что показал съезд: казахи ощущали единство в выработке решений на основе представительства. По форме, съезд близок к деятельности Советов депутатов, - сказывалось влияние эпохи.

По содержанию, он мало чем отличается от Совета пэров в Англии или Конгресса США. Демократизм работы «степного» форума обращает на себя внимание. Он явился предвестником современных форм управления - парламентаризма, в частности, по выбору стратегии развития нации. Результаты нашего исследования - это введение в научный оборот источников состоявшегося исторического съезда национальной элиты, как волеизъявления титульной нации. Материалы съезда одного из центрально-азиатских этносов служат расширению источниковой базы изучения наследия «Алаш». Тем самым пополнится основа для сопоставительного анализа института международных казахских съездов, как во времени (аналоги известны по источникам XIX в.), так и пространстве (съезды других тюркских народов, напр. Бакинский съезд 1926 г.). Если провести параллель с прошлым, то место и роль съездов в ментальности казахов огромны: это и выборы ханов, и военачальника, происходившие путем представительства всех жузов.

Исторически, суд биев можно расценивать предтечей съезда 1924 г. - Не случайно в эпоху колониализма и тоталитаризма большевиков, суд биев изживался как институт, народная демократия подменялась авторитарностью и администрированием. На новом витке развития, институт общеказахского съезда занял достойное место, философически «отрицая» прежний социальный институт. Фактически, двухпартийное представительство на съезде обеспечило принятие компромиссных решений. Сама форма обсуждения в виде съезда была символичной, сродни созыву всенародного курултая. Это было также основанием для участия казахской делегации в тюркологическом съезде в Баку в 1926 г.

Под эгидой съезда научных работников системы просвещения, на самом деле состоялся общереспубликанский форум делегатов, взявших на себя ответственность за системную работу в области просвещения, а значит идеологии и ментальности. Отсутствие компетенций в статусе автономии

расценивалось как ущемление права нации на самоопределение. Работа съезда имела большое значение для выработки программы деятельности «Алаш» на ближайший период, вплоть до обретения статуса союзного государства.

Основной исторический урок съезда: наука, образование и государственное строительство должны идти рука об руку. Судьбы нации могут решаться коллегиально, путем делегирования полномочий ее ответственным представителям. Внешняя политика Казахстана, судьбы диаспоры должна быть привилегией национального правительства. Так националы прокладывали путь к союзному статусу. По-видимому, это более всего тревожило «вождя» Сталина и ускорило Молох репрессий 30-х годов.

Литература

1 Зиманов С. З., Даулетова С., Исмагулов М. Казахский отдел Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. – Алма-Ата, 1975; Зиманов С.З., Рейтор И. К. Теоретические вопросы советского национально-государственного строительства. – Алма-Ата, 1987; Зиманов С.З. Теория и практика автономизации в СССР. – Алматы: Жеты жаргы, 1988. История этапа изложена в многотомной «Истории Казахстана»; ныне она дополняется трудами ученых.

2 Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК, Алматы). – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 727. Материалы для газет. 1923-1924 гг.

3 АП РК. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 700. Казобком. АПО. Протоколы Аигтпропколлегии, 1923-1924 гг. – Л. 69.

4 АП РК. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 716. Казобком. АПО. Переписка, 1923-1924 гг. – Л. 72. 5 АП РК. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 727.

Материалы для газет. 1923-1924 гг. – Л. 96-112.

Муканова Г.К.